

Назия Хуссейн и Луиза Шелли,
Connections QJ 15, № 3 (2016): 5-17

<https://doi.org/10.11610/Connections.rus.15.3.01>

Рецензированная статья

Карачи: организованная преступность в ключевом мегаполисе

Назия Хуссейн^a и Луиза Шелли^b

^a *Центр политических исследований Университета Организации Объединенных Наций, Токио, Япония, <http://cpr.unu.edu/>*

^b *Школа политики и управления им. Шара, Университет им. Джорджа Мейсона, Арлингтон, Виргиния, США, <http://policy-tracc.gmu.edu>*

Резюме: В Карачи преступные и террористические группировки являются ключевыми негосударственными акторами. Они используют преступные и насильственные методы для достижения политических целей и получения экономической выгоды. Их отношения с государством отличаются от подобных отношений в Италии, где государство располагает большими ресурсами, которыми могут воспользоваться преступные группировки. Между государством и негосударственными акторами в Карачи существуют более сложные отношения, и в этой сложной среде преступность и террористические группировки стали частью диффузного управления городом, в том числе в сфере обеспечения жилья и водоснабжения.

Наш анализ отличается от других, которые предполагают, что преступные и террористические группировки заполнили вакуум власти. Мы утверждаем, что на переднем фронте насильственной и криминализованной политики стоят политические партии, а не преступные и террористические группировки. Поэтому негосударственные акторы, использующие насилие, не являются высшими арбитрами политического порядка. Преступные и террористические группировки остаются уязвимыми, так как они могут лишиться государственной поддержки, а без нее они с трудом будут выживать в этой очень конкурентной среде.

Ключевые слова: Карачи, преступность, терроризм, мегаполисы.

Введение

Мегаполисы развиваются во многих регионах мира – в частности, в Азии, Латинской Америке и Африке. Эти города быстро разрастаются, поскольку мигранты из сельских местностей и люди, спасающиеся от конфликтов, гравитируют к городским районам. Мигранты часто оседают в неофициальных городских жилых районах, в которых отсутствуют инфраструктура и услуги. В условиях отсутствия государственного управления или в областях, где оно сильно ослаблено, преступники и другие негосударственные акторы становятся поставщиками услуг, необходимых горожанам. Многие специалисты по безопасности пишут, что подъем криминальных группировок в мегаполисах является критически важным вызовом для глобальной безопасности. Они утверждают, что плохое государственное управление и волнения недовольного населения в этих мегаполисах может привести к созданию альтернативных структур управления, в которых банды и полевые командиры захватят контроль над городской территорией.¹

Одно исследование, проведенное в Карачи, городе, в котором криминальные организации, террористы и криминально-террористические группировки являются могущественными акторами, однако, говорит о другом реальном положении дел. Преступность и насилие используются преступниками в Карачи в стратегических целях для получения экономических и политических выгод. Они являются всего лишь одной из групп, борющихся за власть в среде, в которой каждый политический игрок вооружен и имеет долю в городе.

Несмотря на наличие большого количества межличностного и политически обусловленного насилия, в том числе высокого уровня убийств, в Карачи есть порядок, который был установлен снизу-вверх, а не наоборот. Этот порядок не полностью отделен от государственного, но – как покажет анализ – все эти криминальные негосударственные акторы манипулируют государством, и в свою очередь, государство манипулирует ими.

Причина, по которой многие не успевают разглядеть порядок, существующий среди хаоса, состоит в том, что они используют западные концепции формирования государства и нации для анализа городской реальности в развивающемся мире. Поэтому они упускают отличительные отношения, которые существуют между государством и негосударственными акторами в мегаполисах развивающегося мира, среди которых Карачи является ярчайшим примером.

¹ Richard J. Norton, "Feral Cities," *Naval War College Review* 56, no. 44 (2003): 97–106; David Kilcullen, "The City as a System: Future Conflict and Urban Resilience," *The Fletcher Forum of World Affairs* 36, no.2 (2012): 19–39; Robert Muggah, "Deconstructing the Fragile City: Exploring Insecurity, Violence, and Resilience," *Environment and Urbanization* 26, no. 2 (2014): 345–58.

В этой работе сделан анализ того, как криминализованные негосударственные группы привязаны к более широкому политическому и экономическому контексту, в котором они функционируют. Отношения между организованной преступностью и государством в Карачи отличаются от аналогичных отношений на Сицилии в Италии. Тем не менее, сицилийский контекст дает общую рамку для понимания отношений преступность-государство. На Сицилии структура криминальных группировок определяется семейными отношениями, и они обеспечивают политикам голоса на выборах в обмен на контракты и терпимость к их деятельности. Преступные группировки лояльны к государству и развивались одновременно с экономическим развитием итальянского государства после Второй мировой войны.²

В Карачи, наоборот, негосударственные акторы не имеют прямой пользы от паразитических отношений с государством. Это верно, поскольку государство может дать меньше, чем в Италии. Более того, отношения обмена между негосударственными акторами и политическими структурами имеют место в более ограниченной степени, чем в Италии. В сложной ситуации, в которой преступные и террористические группировки взяли на себя множество функций, являющихся жизненно важными для выживания граждан, как например обеспечение жильем и водоснабжением, между государством и негосударственными акторами существуют гораздо более сложные отношения.

Карачи: порядок и беспорядок в этом мегаполисе

Карачи, город с населением примерно в двадцать миллионов, дает как минимум одну четверть ВВП Пакистана и является основным портом страны. Через порт Карачи проходят множество незаконных товаров, в том числе наркотики,³ что делает незаконную торговлю центральным элементом экономической жизни города, а в более широком плане и всей страны.

Политическая структура Карачи отличается наличием криминальных группировок, террористических группировок (Аль-Каида, Техрик-е Талибан Пакистана (ТТП) и Лашкар-е-Тайба (Лет)), криминально-террористических группировок (D-компания) в качестве основных акторов в политической и экономической среде этого большого портового города. Считается, что даже основная политическая партия, движение «Мутахида Куами», или как она широко известна ДМК (партия, представляющая мигрантов), систематически применяет насилие и преступные методы в городской поли-

² Pino Arlacchi, *Mafia Business: The Mafia Ethic and the Spirit of Capitalism* (London: Verso, 1986).

³ Некоторые из наркотиков с наиболее высокой в мире степенью переработки проходят через этот порт. United Nations Office on Drugs and Crime, Country Office, Pakistan, *Illicit Drug Trends in Pakistan* (Islamabad: United Nations Office on Drugs and Crime, 2008), www.unodc.org/documents/regional/central-asia/Illicit%20Drug%20Trends%20Report_Pakistan_rev1.pdf.

тике.⁴ Центральное место террористических группировок, которые финансируют себя через преступность, создает новые силы в городской структуре. Террористические группировки отличаются от преступных группировок тем, что они пытаются разрушить или фундаментальным образом изменить государство. Это означает, что сохранение стабильности государства не является основной целью их участия в городской политике. Это способствует формированию уникальной динамики городского управления, которое имеет место в немногих мегаполисах и которое дает основные аналитикам считать, что насилие в Карачи является прототипом будущих конфликтов.⁵

Неофициальный и связанный с использованием насилия политический порядок в Карачи отражает драматическую эволюцию города за последние семьдесят пять лет. Миграция, которая способствовала высокому темпу роста Карачи, в принципе характерна для развивающегося мира, но ее масштаб для Карачи является исключительным. За период с 1941 по 1961 год население Карачи увеличилось на 432 процента; это самое большое увеличение численности населения одного города вообще в истории.⁶ Движущей силой увеличения городского населения был поток мигрантов из Индии, которые оседали в Карачи после Разделения Индии в 1947 году. Городское население экспоненциально увеличивалось и в результате миграции из сельских районов Пакистана. В 1970-х и 1980-х, и после афганского джихада волны мигрантов, вытесненные из племенных регионов Пакистана и соседнего Афганистана, приезжали в Карачи в поиске новых возможностей. После нашествия в Афганистан, которое последовало за событиями 9/11, долгое десятилетие военных операций в Афганистане и в племенных областях Пакистана снова вызвало несколько последовательных волн мигрантов.

⁴ После начала военной операции в 2013 году хватка ДМК в Карачи ослабла и движение потеряло часть своего влияния. ДМК, ключевой игрок в городской политике, ассоциируется с систематическим вымогательством, который она практиковала в Карачи с конца 1990-х и даже до этого. Его насильственная тактика, применяемая против политических оппонентов, широко известна и ее боятся. Однако ДМК нельзя воспринимать только как преступное предприятие. У него глубокие корни в местных общинах и считается, что оно выполняет проекты, связанные с благоустройством города. Более подробную информацию о ДМК можно найти в Oskar Verkaaik, *A People of Migrants: Ethnicity, State and Religion in Karachi* (Amsterdam: VU University Press, 1994); Oskar Verkaaik, *Migrants and Militants: Fun and Urban Violence in Pakistan* (Princeton: Princeton University Press, 2004); Nichola Khan, *Mohajir Militancy in Pakistan: Violence and Transformation in the Karachi Conflict* (New York: Routledge, 2010).

⁵ Ryan Clarke, *Crime-Terror Nexus in South Asia: States, Security and Non-State Actors* (New York: Routledge, 2011); Смотри еще Zia ur Rehman, "The Pakistani Taliban's Karachi Network," *CTC Sentinel* 6, no. 5 (May 2013): 1-5.

⁶ Tai Yong Tan and Gyanesh Kudaisya, *The Aftermath of Partition in South Asia* (New York: Routledge, 2000).

Несмотря на то, что Карачи является городом, выросшим на миграции, он был плохо подготовлен к интеграции вновь прибывших. В результате ограниченных ресурсов города в сочетании с бюрократической и негодной государственной политикой страдали постоянно прибывающие мигранты. Это позволяло негосударственным акторам, в том числе общинным сетям, преступным и преступно-террористическим группам, политическим партиям и индивидуальным предпринимателям, принимающим участие в незаконной деятельности, получить существенную долю в обеспечении услуг, и в результате этого приобрести политическую власть в городе. Поставка услуг, в частности обеспечение жилья и водоснабжения для существенной части населения, и в частности для наиболее бедных слоев, с течением времени подверглась дерегуляции. По некоторым оценкам, около 41 процента от воды, обеспечивающей Карачи, скачивается из общей сети водораспределения и продается на параллельном рынке воды с использованием машин-цистерн, которые поставляют воду в беднейшие районы города.⁷ Подобным образом, 50 процентов потребностей города в жилье обеспечивается в неофициальном секторе.⁸

Политические партии сотрудничают с легальными и незаконными акторами с целью получить контроль над городскими ресурсами. Власть поделена на районы с конкретными группами, которые располагают влиянием в данных районах города. К примеру, бедное городское поселение Лайари контролируется одной из основных преступных группировок, принимающих участие в наркоторговле.

Государство в некоторой степени втянуто в нештатную ситуацию этого неофициального порядка, поскольку оно регулирует соперничество между конкурентами, поддерживая одного актора против другого. Это осуществляется путем проведения карательных военных операций и варьирования уровня государственной поддержки для прибыльных неофициальных поставок услуг, совершаемых криминальными, криминально-террористическими сетями и другими негосударственными акторами для граждан.

У государства нет больше монополии на насилие, зато оно действует как некий рефери в спорах конкурентов, соперничающих за обладание политическими и экономическими ресурсами Карачи. В этой схеме насилие используется политическими игроками, как и государством, для демонстрации господства. Насилие расширяется по мере увеличения числа политических конкурентов. Порядок в Карачи представляет собой хрупкое равновесие, поддерживаемое государством сверху вниз, но которое также изменяется снизу-вверх, оказывая влияние на управление по мере того, как игроки адаптируются и формируют реакцию, направленную на даль-

⁷ Orangi Pilot Project – Research and Training Institute, *Orangi Pilot Project: Institutions and Programs* (Karachi, 2013).

⁸ Arif Hasan et al., *Land Ownership, Control and Contestation in Karachi and Implications for Low-Income Housing* (London: IIED, 2013).

нейшее расширение своего влияния и получение поддержки у местных избирателей.

Развитие организованной преступности в Карачи

Организованная преступность в Карачи разрослась за прошедшие 35 лет и сейчас играет важную экономическую и политическую роль в городе. Ее рост можно проследить до инвазии России в Афганистан в 1979 году, когда афганские фермеры начали выращивать опиум в больших количествах. Для Карачи это развитие привело к расширению транзита опиума для производителей наркотиков в Европе и по всему миру через порты города. С течением времени опиумные фабрики появились на северо-западе Пакистана; по некоторым оценкам, только в провинции Хайбер насчитывалось от 100 до 200 лабораторий для производства героина.⁹ Производимые там наркотики так же транспортируются через Карачи. Активная контрабандная торговля оружием проходит по тем же маршрутам, причем этому бизнесу содействуют разные военные и разведывательные службы.¹⁰

Влияние афганской наркоторговли было многосторонним. По мере того как Карачи становился пунктом транзита в международной наркоторговле, местные преступные группировки становились связанными с международной наркоторговлей, превращая город в важный узел мировой транснациональной организованной преступности. Одним из непосредственных последствий для города была трансформация преступных группировок в Лайари, одном из самых старых предместий Карачи с преобладающим населением из этнических белуджей. Партии наркотиков проходят через Лайари на пути к рынкам Европы, Персидского залива и Центральной Азии. Банды из белуджей в Лайари стали ключевыми посредниками между наркоторговцами из племенных областей и международными покупателями афганских наркотиков.¹¹ Другое предместье Карачи, Сохраб Гот, населенное преимущественно пуштунами, стало печально известно присутствием множества контрабандистов наркотиков. Являясь районом, находящимся на окраине города, Сохраб Гот сначала ассоциировался с рабочими ручного труда из провинций на северо-западной границе (ПСЗГ) и с афганскими беженцами и стал самым большим лагерем для беженцев из Афганистана, созданный незаконно на государственной земле.¹² Он был известен складами с оружием и своей ролью в распределении героина, а

⁹ Ikramul Haq, "Pak-Afghan Drug Trade in Historical Perspective," *Asian Survey* 36, no. 10 (1996): 945-963, цитата на с. 954.

¹⁰ Доклад от 1985 в журнале Герольд (Пакистан), цитированный в Haq, "Pak-Afghan Drug Trade," 945-963. См. еще James Rupert and Steve Coll, "U.S. Declines to Probe Afghan Drug Trade: Rebels, Pakistani Officers Implicated," *Washington Post*, May 13, 1990.

¹¹ Laurent Gayer, *Karachi: Ordered Disorder and the Struggle for the City* (New York: Oxford University Press, 2014), 134.

¹² Там же, 294.

так же как пункт транспорта наркотиков по международным направлениям.¹³

Эта торговля приносила серьезную прибыль, превращая мелких преступников в наркоторговцев, которых все боялись. Прибыль от наркотиков отмывалась на рынке недвижимости Карачи. В результате потока пуштунов, прибывающих в Карачи, динамика неофициального рынка жилья изменилась. До середины 1980-х большинство посредников были пенджабцами или мухаджирами.¹⁴ Мухаджирами были люди, которые переехали из Индии в Пакистан после разделения Британской Индии в 1947 году.¹⁵ Скоро, однако, посредники из пуштунов заменили пенджабцев и мухаджиров на неофициальном рынке жилья и навязали новые правила в незаконных поселениях: после захвата земель они разделялись на земельные участки, и прежних обитателей можно было выселять по воле новых хозяев.¹⁶ В результате принуждение и безжалостное насилие в Карачи в 1980-х достигли невиданных масштабов.¹⁷ Конечным результатом этого перехода стало то, что вооруженные игроки, набившие карманы деньгами от наркоторговли, заменили существующих игроков на неофициальном рынке жилья. С течением времени политические и экономические ставки стали выше, поскольку игроки приобрели влияние и власть на неофициальном рынке жилья и в сфере недвижимости в Карачи.

Схожим образом, криминальные группировки играли важную роль в вымогательстве, связанном с неофициальной подачей воды. Неофициальное снабжение водой, хотя и не является централизованным картелем, было постоянной реальностью городского ландшафта со своего появления в 1990-х, когда долгое время не было дождей и государство изобрело решение проблемы доставки воды. Для удовлетворения потребностей граждан государством были созданы пункты заправки водой, где ежедневно

¹³ Akmal Hussain, "The Karachi Riots of December 1986: Crisis of State and Civil Society in Pakistan," in *Mirrors of Violence: Communities, Riots and Survivors in South Asia*, ed. Veena Das (New Delhi: Oxford University Press, 1990), 186.

¹⁴ Stanley J. Tambiah, *Leveling Crowds: Ethnonationalist Conflicts and Collective Violence in South Asia* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1996), 84–155.

¹⁵ Концепция Мухаджиров или Анзаров восходит к миграции мусульман к Мекке и Медине во времена Пророка Мухаммеда. Мусульман в Мекке называли мухаджирами, так как они оставили все свое имущество, чтобы последовать за Пророком. Мусульман в Медине называли анзарами, так как они гостеприимно открыли двери своих домов и приняли мухаджиров как своих. Аналогия с мухаджирами и анзарами использовалась после создания Пакистана в 1947 году для создания чувства братства между беженцами, которые установились в Карачи как мухаджиры и сиднхами, автохтонными жителями Карачи и Синдха, которые открыли свои дома для них, как сделали это анзары.

¹⁶ Laurent Gayer, "Guns, Slums, and 'Yellow Devils': A Genealogy of Urban Conflicts in Karachi, Pakistan," *Modern Asian Studies* 41, no. 3 (2007): 514–44, 522.

¹⁷ Там же, 515–44.

тысячи автоцистерн заправлялись для обеспечения водоснабжения пострадавших от суши частей города.¹⁸ Решение состояло в продаже воды по номинальной цене путем ее доставки цистернами в части города, испытывающие ее нехватку. Поскольку у институции, отвечающей за водоснабжение и санитарии (Совет по воде и канализации Карачи – СВКК) не хватало собственного потенциала, правительство провинции возложило эту задачу на паравоенные формирования, расположенные в городе.¹⁹

Известные среди местных как Рейнджеры, военизированные силы были расположены в Карачи с 1989 года и рассматривались как более эффективные и нейтральные, чем местная полиция.²⁰ По неофициальным источникам в Пакистане, рейнджеры, которые управляли официальными гидрантами для СВКК и гарантировали доставку воды жителям, однако, продавали воду на неофициальном рынке по ценам вдвое выше официальных.²¹ Кроме того, они оказывали поддержку организованным преступным группам, принимающим участие в параллельных поставках воды, получая существенные доходы, хотя точную сумму назвать трудно.²² Гайер утверждает, что государство попустительствовало этой незаконной деятельности рейнджеров, так как их просили принимать участие в выполнении обязанностей по охране правопорядка, которые выходили за рамки их мандата.

Сейчас есть больше незаконных пунктов заправки водой, чем официальных. На этих незаконных источниках, разбросанных по всему городу, вода откачивается из официальной сети, чтобы ее поставку осуществляли негосударственные акторы, в частности, преступные группировки.²³ Хотя и не образуя централизованный картель, эти акторы организованы и сформировали ассоциацию, которая их защищает.²⁴ По некоторым оценкам, в начале 2000-х это предприятие обеспечивало криминаль-

¹⁸ Laurent Gayer, "The Rangers of Pakistan: From Border Defense to Internal 'Protection,'" in *Organized Crime and States: The Hidden Face of Politics*, ed. Jean-Louis Briquet and Gilles Favarel-Garrigues (New York: Palgrave Macmillan, 2010), 15–39.

¹⁹ Noman Ahmed and Muhammed Sohail, "Alternate Water Supply Arrangements in Peri-Urban Localities: Awami (people's) Tanks in Orangi Township, Karachi," *Environment and Urbanization* 15, no. 2 (2003): 33–42.

²⁰ Gayer, *Karachi: Ordered Disorder*, 216.

²¹ Perween Rahman, *Water Supply in Karachi: Situation/Issues, Priority Issues and Solutions* (Karachi: Orangi Pilot Project – Research and Training Institute, 2008), 13.

²² Gayer, "The Rangers of Pakistan," 21.

²³ *Orangi Pilot Project*.

²⁴ К примеру, собственники 5000 неофициальных автоцистерн для воды протестовали против закрытия незаконных гидрантов в 2012 году. Смотри "Water Fight: Owners of Private Tankers Give 24 Hours Ultimatum," *The Express Tribune*, March 9, 2012, <http://tribune.com.pk/story/347516/water-fight-owners-of-private-tankers-give-24-hour-ultimatum/>.

ным поставщикам приблизительно 49.6 миллиардов пакистанских рупий (приблизительно 474 миллионов долларов) в год.²⁵

Хотя неофициальное обеспечение водоснабжения и жилья в целом связывается с «водной мафией» и «земляной мафией» с намеком на преступный характер этих деятельности, такое наименование не учитывает ключевой роли, которую играет государство в этой деятельности. Поскольку доступ к питьевой воде и жилью очень важен для ежедневного существования, ведомства, занимающиеся землей и водой, и контроль над ними является объектом сильного соперничества между политическими партиями, так как обеспечение водой и жильем является не только городскими проблемами, но и сильно политическими по своему характеру. Они так же очень прибыльны – там, где появляются проекты по развитию водоснабжения под эгидой международных агентств развития, цены на землю взлетают до небес.²⁶ Доступ к такой информации до того, как она станет публичным достоянием, находится в руках тех, кто участвует в городском управлении. В результате те, кто располагает этой «внутренней информацией», может принять участие в приобретении земли в тех частях города, где планируется такое развитие, получая существенную экономическую и политическую выгоду для себя и политических институций, с которыми они связаны.²⁷ Часто в число бенефициантов приобретения земли и неофициального разделения земельных участков входят не только должностные лица в соответствующих ведомствах, но и избираемые члены местного управления, должностные лица из органов охраны правопорядка, члены политических партий и землевладельцы.²⁸

Организованная преступность и политика в Карачи

Наряду с ролями в проблемах земли и воды, которые были упомянуты выше, преступные группировки играют интегральную роль в политической экономике города. В политике Карачи, характеризующейся высоким уровнем насилия, ее явная и тайная поддержка политических игроков дает партиям силовые структуры, которые могут применять насилие против оппонентов. Это напоминает роль якудзы в Японии до Второй мировой войны, которую силы, верные императору, использовали для утихомиривания своих оппонентов.²⁹ Как в Японии в 1930-х, такая поддержка, предоставляемая существующей структуре власти, отражает факт, что лидеры криминальных группировок верят в идею государства и заинтересованы в

²⁵ Rahman, *Water Supply*, 18.

²⁶ На основании бесед с членами Совета по водоснабжению и канализации Карачи, Карачи, август 2013.

²⁷ На основании бесед с НПО Шехри, Карачи, август 2013.

²⁸ Gayer, *Karachi: Ordered Disorder*, 261.

²⁹ Peter B.E. Hill, *The Japanese Mafia: Yakuza, Law, and the State* (Oxford: Oxford University Press, 2003).

том, чтобы оставаться внутри политической системы. Это противоположно ситуации с такими террористическими группами, как ТТП, созданной в 2008, которая пытается создать шариатское государство в Пакистане. В соответствии с заявленными целями у этих групп более деструктивный подход к существующему политическому порядку.

Такой подход к государству отличает преступников от террористов. Поскольку преступные группировки обеспечивают услуги, которые государство уступило, они зависят от неявной поддержки государством своей деятельности. Это отличает их от известных террористических групп в городе, но не и от криминально-террористических группировок, как например D-компания, которым нужна поддержка государства для продолжения их преступной деятельности.³⁰

В политической жизни Карачи насилие стало механизмом принуждения среди политических игроков и осуществляется аффилированными с партиями организациями и криминальными группировками. Поразительным примером этого феномена является Народный комитет Амана (НКА), основанный в 2008 и состоящий из доноров наркоорганизаций белуджей в Лайари. НКА служил в качестве силовой структуры Пакистанской народной партии (ПНП) в период ее участия в управлении города (2008-2013). Сначала у НКА были клиентелистские отношения с ПНП, и НКА получал неявную политическую поддержку от управляющей партии в обмен на голоса из района Лайари, схема, напоминающая сицилийскую, которая была рассмотрена выше. Они также предоставляли персонал, который де-факто мог бросить вызов гегемонии политической партии, ДМК, используя вымогательство в Карачи.

Со временем, однако, НКА позиционировал себя как политический игрок, а не только как банда наркобаронов, делающих ставку на одну из самых больших партий в стране.³¹ Он потребовал, чтобы названные им кандидаты участвовали в выборах в законодательные органы вместо политиков из ПНП, которые не знали проблем людей из Лайари. Под контролем НКА уровень преступности резко упал, а деньги, полученные в результате наркоторговли и вымогательства, инвестировались в проекты публичного благоустройства в Лайари.³² Увеличивающееся политическое влияние НКА угрожало изменением клиентелистской динамики отношений между ПНП

³⁰ Clarke, *Crime-Terror Nexus*.

³¹ Dina Temple-Raston, "The Tony Soprano of Karachi: Gangster or Politician?" *NPR*, January 2, 2013, www.npr.org/2013/01/02/168197733/the-tony-soprano-of-karachi-gangster-or-politician; "Overcoming grudges: Lyari's Uzair Jan Baloch opens arms for Karachi journalists, requests unbiased reporting," *The Express Tribune*, July 25, 2013, <http://tribune.com.pk/story/581421/overcoming-grudges-lyaris-uzair-jan-baloch-opens-arms-for-karachi-journalists-requests-unbiased-reporting/>.

³² Gayer, *Karachi: Ordered Disorder*, 255.

и НКА.³³ В результате разрыв между руководством НКА и ПНП расширился, и политическая партия начала дистанцировать себя от наркобаронов, которых раньше поддерживала.

В сентябре 2013 года в Карачи была проведена военная операция по зачистке города от преступных и террористических элементов. Цель операции состояла в выявлении акторов, ответственных за насилие, вымогательство и другую преступную деятельность. ПНП отозвала свою поддержку НКА, и лидерам НКА пришлось бежать, что показало уязвимость криминальных группировок, зависящих от поддержки государства. Тем не менее, несмотря на его уход со сцены, восход НКА бросает свет на меняющуюся динамику отношений между политической партией и преступной группировкой. Совершив этот переход, НКА стал новым актором на политической сцене Карачи.

Заключение

За семьдесят лет Карачи стал одним из самых больших городов мира. Правительства, одно за другим, передавали свои полномочия по обеспечению жилья и водоснабжения негосударственным акторам. Такую деволуцию власти можно объяснить ограниченными ресурсами, плохим планированием политики и быстрым ростом населения в результате миграции от села к городу и притоком беженцев из зон конфликтов. Некоторые авторы полагают, что подход «с плеч долой» к управлению является постколониальным наследством непрямого управления³⁴ и (или) продолжением криминально-политических сильных личностей Британской Индии, которые функционировали как посредники между правителями и управляемыми.³⁵ Как и во многих регионах мира, историческое наследие определяет политическое развитие и природу преступности.

Тем не менее существует вездесущая реальность, определяющая такое развитие. Постоянно увеличивающееся население Карачи создало потребность в улучшении публичных услуг в новом независимом государстве, борющемся за сохранение единства несмотря на огромные финансовые проблемы и разнообразное мультиэтническое население. Карачи с его стратегическим положением в качестве морского порта, опять же страдал от географического проклятия, поскольку он развивался и как транспортный

³³ Fahad Desmukh, “‘You are in Islamabad because of our Votes’: Interviews with the Lyari PAC,” *Third Worldism: Dispatches from the Global South*, May 3, 2012, <https://thirdworldism.wordpress.com/2012/05/03/you-are-in-islamabad-because-of-our-votes-int/#more-128352924>.

³⁴ Adnan Naseemullah and Paul Staniland, “Indirect Rule and Varieties of Governance,” *Governance* 29, no. 1 (2016): 13–30.

³⁵ Thomas Blom Hansen, “Sovereigns Beyond the State: On Legality and Authority in Urban India,” in *Sovereign Bodies: Citizens, Migrants, and States in the Postcolonial World*, ed. Thomas Blom Hansen and Finn Stepputat (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2005), 169–91.

маршрут для наркоторговли и торговли оружием в период афганского джихада и продолжил выполнять ту же роль после 11 сентября. В этом контексте негосударственные акторы включились в обеспечение услуг, и их доля постепенно увеличивалась.

Усилия по восстановлению власти государства имели ограниченный успех несмотря на следовавшие одна за другой военные операции в Карачи с 1990-х и операции, продолжающееся с 2013 года.³⁶ Тогда как операции в 1990-х были направлены против политической партии Движение «Мутахида Куами» (ДМК), операция, начатая в 2013 году, была сфокусирована на преступных группировках в Лайари и на террористических группах Техрик-е Талибан Пакистана (ТТП), как и против ДМК. Для ТТП продолжающиеся одновременные военные операции в 2013 году, как в ее крепости в племенных областях Пакистана, прилегающих к Афганистану, так и против ее сил в Карачи, ослабили ее организационные и оперативные способности. Эти операции привели к потерям, которые понесли базирующиеся в Карачи преступные группировки.

Результатом этих операций в разных частях Пакистана стало рекрутирование преступников в террористические группы для совершения совместных ответных нападений, что вызвало замешательство в органах правоохранения, не понимающих, кто источник и кто планирует эти насильственные и разрушительные действия. Неуспех государства в попытке ограничить масштаб действий негосударственных акторов показывает, что за прошедшие два десятилетия политический ландшафт Карачи расширился, включив новые виды политических игроков на постоянной основе.³⁷

Государство поддерживает этот связанный с использованием насилия политический порядок путем снятия или расширения поддержки разных политических игроков и со стороны разных политических игроков: ДМК, криминализованные политические партии, паразитирующие на разных избирателях иммигрантского происхождения, разные организованные преступные группировки, которые получают прибыль от выгодной наркоторговли, и преступно-террористические группы и преступные группы, которые обосновались в городе, как то было упомянуто выше. В этом соперничестве за власть, государство остается последним арбитром. Такое заключение противоречит политическому анализу некоторых наблюдателей, которые утверждают, что преступные и террористические группировки заполнили вакуум власти. Наоборот, в нашем анализе делается предположение, что сами политические партии, а не преступники и террористы, возглавляют насильственную и криминализованную политику. Поэтому негосударственные акторы, использующие насилие, не являются конеч-

³⁶ К моменту написания данной работы, военная операция в Карачи все еще продолжается.

³⁷ Смотри "Nexus of banned outfits, criminals 'Channel 2' unearthed in Karachi," *Geonews*, September 10, 2015, <http://www.geo.tv/article-197002-Nexus-of-banned-outfits-criminals-Channel-2-unearthed-in-Karachi>.

ными арбитрами политического порядка. Преступники и террористы остаются уязвимыми, так как они могут потерять поддержку государства, а без нее им трудно выживать в такой сильно конкурентной среде.

Благодарности

Луиза Шелли благодарит Корпорацию «Карнеги», которая оказала ей поддержку в качестве участника программы «Эндрю Карнеги», что позволило ей написать эту работу.

Об авторах

Назиа Хуссейн является участником совместной постдокторской исследовательской программы Японского общества развития науки (ЯОРН) Центра политических исследований УООН. У нее степень доктора по публичной политике, полученная в Школе политики и управления им. Шара при Университете «Джордж Мейсон». У нее фулбрайтовская стипендия на время ее учебы по магистерской программе в области международных отношений Бостонского университета. Она написала несколько глав для книги по проблемам неофициального управления, городских конфликтов и преступно-террористических связей, изданной в результате исследовательского проекта, спонсированного УНП ООН (2016), и для Справочника по криминологии издательства Wiley (2016). *E-mail*: hussain@unu.edu.

Доктор Луиза Шелли является профессором, финансируемым фондом «Омер Л. и Нэнси Хирст», и профессором Университета «Джордж Мейсон». Она аффилирована с Школой политики и управления им. Шара и управляет Центром по вопросам терроризма, транснациональной преступности и коррупции (ЦТТПК), который она же и создала. В настоящее время она является участником программы «Эндрю Карнеги» и пишет книгу по проблемам незаконной торговли и устойчивого развития по контракту с издательством Принстонского университета. У нее много публикаций по вопросам транснациональной преступности, торговли людьми и связям между преступностью и терроризмом, в том числе и монографии *Human Trafficking: A Global Perspective* (CUP, 2010) и *Dirty Entanglements: Corruption, Crime and Terrorism* (CUP, 2014). *E-mail*: lshelley@gmu.edu.